

Э.В. Георгиевский

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕРМАНИИ

Аннотация. *Религиозным посягательствам в уголовном праве древней и раннесредневековой Германии уделялось самое пристальное внимание. Это объясняется тем, что франкская монархия была создана церковью и одновременно церковь в варварском обществе была создана франкской монархией, а франкские короли содействовали укреплению церкви. Это политическое, правовое и социальное взаимопроникновение выразилось в том, что христианство при Меровингах получает характер «привилегированного принудительного учреждения», а принадлежность к нему не являлась уже делом внутреннего свободного убеждения – оно являлось обязанностью подданного государства. Все религиозные преступления в раннесредневековой Германии, получившие отражение в первых варварских правдах, можно условно разделить на две группы. К первой можно причислить преступные деяния, которые перешли в новые законы из времен язычества, но не противоречили христианским законам ни по форме, ни по содержанию. Ко второй относились преступления, посягающие на интересы христианской религии и возникающие уже в христианскую эпоху. Будучи зафиксированными в первых варварских правдах, религиозные преступления еще не были четко систематизированы, в большей степени они посягали не столько на догму, сколько на внешние обрядовые практики, но эти нормы уже достаточно устойчиво и надежно защищали новый объект уголовно-правовой охраны в раннесредневековой Германии – основы религиозного мира.*

Ключевые слова: *раннесредневековая Германия, религиозные преступления, обрядовые практики, христианская догма, уголовно-правовая охрана, идолопоклонничество, колдовство, раздор в церкви, богохульство, клятвopеcтyплeниe.*

Специфика религиозных посягательств в древнем и раннесредневековом уголовном праве Германии выражается, на наш взгляд, в одновременном закреплении в первых варварских правдах норм, охраняющих и старую (языческую) и новую (христианскую) веру¹. Этот теоретический посыл является далеко не случайным, если учесть тот факт, что в свое время он стал предметом оживленной дискуссии, итоги которой подвел Эрнст Глассон. Исследователь полагает, что франкская монархия была создана церковью и одновременно церковь в варварском обществе была создана франкской монархией, а франкские короли содействовали укреплению церкви². Нужно заметить, что подобное, например, совершенно не было свойственно Древней Руси, где законодательное (позитивное) закрепление получали лишь нормы, предусматрива-

ющие ответственность за посягательства на основы христианской догмы и православные обрядовые практики. Возможно, это было связано с тем фактом, что первые варварские короли, закреплявшие в законах нормы обычно-правового характера, имели несколько большую возможность политико-религиозного маневра, чем русские князья. Во всяком случае, учитывая факт практической полной зависимости католической церкви в раннем средневековье от варварских императоров, подобное можно предположить³.

Согласно точке зрения Л.С. Белогриц-Котляревского, преступление у древних германцев в дохристианскую эпоху достаточно часто рассматривалось как оскорбление богов. Оскорбленные боги требовали искупительных жертв в виде жизни виновных, их здоровья или анатомической целостности организма. «Преступные деяния, – пишет Л.С. Белогриц-Котляревский, – ставились в связь с разными бедствиями как, например, с неурожаем, голодом, болезнями и военными неудачами, которых насылали боги, разгневанные или крайней злостью, испорченностью, развившейся в таких деяниях, или их неизвестностью, безнаказанностью. Отвращение этих бедствий требовало жертв, из числа коих не исключалась и жизнь са-

¹ Во всяком случае, подобный вывод нам позволяет сделать толкование 12 титула Фризской Правды, в соответствии с которым если кто-либо взломает святыню богов и что-либо унесет из священных предметов, должен быть приведен на берег, где на песке ему отрежут уши, а затем разрубят и принесут в жертву богам, храм которых он осквернил. Очевидно, что речь идет не о христианском Боге, а о языческих богах, требующих возмещения за причиненный святотатственный вред (De Lex Frisionum. Te Leeuwarden, bij G.T.N. SURINGAR, 1866. P. 13).

² См.: Ширяев В.Н. Религиозные преступления: Историко-догматические очерки. Ярославль, 1909. С. 54.

³ См.: Крывелев И.А. История религий. Очерки в двух томах. Т. 1. М., 1975. С. 198.

мого короля»⁴. Сакральность наказаний в этих случаях, фактически, предопределяло сакральность уголовного права в целом. Нужно отметить, что и позднее, когда Германия христианизовалась, преступление продолжало считаться грехом. Сущность публичного порядка, охраняемого законом, в лучшей степени проецировалась именно в посягательстве как грехе. Именно тогда уходило на задний план частное лицо, даже если оно оказывалось потерпевшим⁵. Однако христианство при Меровингах получает характер «привилегированного принудительного учреждения», а принадлежность к нему не являлось уже делом внутреннего свободного убеждения – оно являлось обязанностью подданного государства⁶.

Все религиозные преступления в раннесредневековой Германии, получившие отражение в первых варварских правдах, В.Н. Ширяев, например, делит на две большие группы. К первой он относит преступления, которые возникли уже в христианскую эпоху, и заключавшиеся в нарушении предписаний христианской церкви. Ко второй группе относились преступные деяния, которые перешли в новые законы из времен язычества, но не противоречили христианским законам ни по форме, ни по содержанию⁷.

Согласно данным Л.С. Белогриц-Котляревского, к преступлениям против языческой религии у древних германцев относились, в первую очередь, нарушение религиозного мира или осквернение священных мест. «По законам фризов, – пишет Л.С. Белогриц-Котляревский, – осквернение мест, посвященных богам, как, например, священных рощ, дубов, деревянных храмов, взломом их или похищением находящихся там священных предметов, рассматривалось как злодеяние, направленное непосредственно против богов; виновных, по изувечивании, повелевалось приносить в жертву»⁸.

Нужно сказать, что во Фризской Правде в титуле XVII в параграфе втором устанавливается ответственность за убийство в христианской церкви. За подобное преступление, совершенное в любом месте церкви, предполагался девятикратный вергельд и плата королю⁹. А по законам саксов убийство в церкви уже

каралось смертью. Так, титул 23 гласил: «Кто в церкви убил человека, или совершил какую-нибудь кражу, или взломал ее, или заведомо дал ложную клятву, – да будет наказан смертью»¹⁰. Преступлением по отношению к Богу и осквернением церкви являлось убийство в ее чертогах в соответствии с титулом 4 Аламманской Правды. В этом случае церкви платилось 18 солидов, 60 за сохранение мира властям и вира родственникам убитого¹¹. Параграф 8 титула 1 Баварской Правды предусматривал убийство в церкви священнослужителей (субдьякона, лектора, заклинателя духов, прислужника при мессах, или привратника) платил вдвое против обычного¹². А вот прибавление 4, 5 и 6 к титулу 55 предусматривали достаточно серьезную ответственность за убийство трех «высших фигур церкви» – дьякона, священника, и епископа. Штрафы соответственно составляли 300, 600 и 900 солидов. Но о месте совершения преступления (церкви) уже ничего не говорится, что позволяет сделать вывод о том, что речь идет не столько об оскорблении церкви, сколько о причинении вреда государству в лице этих высокопоставленных церковных особ¹³. Церковь считалась «почитаемым местом» и по законам лангобардов. Согласно главе 35 Эдикта Ротари, если кто-либо учинит раздор в церкви, обязан уплатить 40 солидов самому почитаемому месту, а кроме того, еще отдельно за ранения или удары¹⁴.

Нарушение «верховного» (духовного) мира у древних германцев, конечно же, не ограничивалось убийствами в церкви или иных священных местах. К подобного рода посягательствам также относились насильственные вторжения в святилища, из взлом, повреждение, уничтожение путем сожжения. Особое место в ряду данных посягательств занимало святотатство как похищение предметов и вещей, имеющих сакральное значение, предметов освященных. «Верховный мир, – сообщает Л.С. Белогриц-Котляревский, – не ограничивался тесными пределами церкви и ее притворов: он был распространен также на постройки – принадлежности церкви, кладбища и церковные дворы и даже на пространства, вне последних расположенные на определенном расстоянии». Более того, эти места различались между собой по иерархии и приоритету ох-

⁴ Белогриц-Котляревский Л.С. Преступления против религии в важнейших государствах Запада. Ярославль, 1886. С. 72.

⁵ Гольтцендорф Ф. Вступительный очерк уголовного права (продолжение) // Юридический вестник, издаваемый Московским юридическим обществом. 1874. Книга 7 – 8 (июль-август). С. 12.

⁶ См.: Ширяев В.Н. Указ. соч. С. 56.

⁷ Там же. С. 60.

⁸ Белогриц-Котляревский Л.С. Преступления против религии в важнейших государствах Запада. С. 74.

⁹ De Lex Frisionum. Te Leeuwarden, bij G.T.N. SURINGAR. P. 17.

¹⁰ См.: Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. В.М. Корецкого. М., 1961. С. 29.

¹¹ См.: Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. М., 2012. С. 160.

¹² См.: Данилова Г.М. Аламманское и баварское общество VIII и начала IX в. Петрозаводск, 1959. С. 247.

¹³ См.: Салическая правда. М., 1950. С. 53.

¹⁴ См.: Шервуд Е.А. Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени (К раннему этногенезу итальянцев). М., 1991. С. 20.

раны. По приоритету охраны различались между собой и церкви. Так, городские церкви защищались законом интенсивнее, нежели церкви сельские¹⁵.

Верховный или духовный мир древнего германца имел конкретную привязку не только к конкретному месту, но и к определенному времени. Вот что по этому поводу пишет Л.С. Белогриц-Котляревский: «Этим именем назывался у древних германцев тот мир, который должен был господствовать в торжественные праздники, предназначенные для народных собраний, которые между пиршествами творили суд, решали важнейшие дела и приносили жертвы богам. Во время этих празднеств, происходивших в определенные сроки, само божество невидимо пребывало среди людей, и священный мир должен был царить во всей стране. Совершение преступного деяния в это время было оскорблением, посягательством, направленным против самого божества, и правонарушение, в особенности если оно было предумышленное и не принадлежало к разряду легчайших, возводилось на степень квалифицированного и часто неискупимого, влекшего за собой лишение мира...»¹⁶. В это же время запрещались даже акты кровной мести, так как любое лицо, находившееся в месте и во время проведения такого народного празднества, попадало под защиту божества¹⁷.

Именно как святотатство рассматривались древними германцами любые попытки изъятия какого-либо имущества из церкви или насильственное туда проникновение. В соответствии с титулом 5 Аламаннской Правды то, кто силой унесет чье-либо имущество из церкви, то должен уплатить не только потерпевшему, которому причинил имущественный ущерб, но и церкви за оскорбление 18 солидов¹⁸.

Проникновение в церковь, в том числе и насильственное, могло быть связано с желанием изъять оттуда кого-либо, укрывающегося в церкви. Нарушение права религиозного убежища также представляло собой преступное посягательство против религии. При этом, по мнению Л.С. Белогриц-Котляревского, статус убежища, в зависимости от того, языческими они были или христианскими, существенно различался. Вот что исследователь пишет по этому поводу: «Нарушитель мира – преступник, убежавший в языческие храмы и другие священные места, как например, рощи, пользовался лишь той привилегией, что его не могло всякое постороннее лицо безнаказанно убить или увести насилем оттуда, как и из дома

свободного человека; но его положение не было завидным: никто не должен был давать ему, как лишенному мира, приют, приносить пищу или вообще оказывать защиту. Совершенно иное значение получает мир храмов с распространением христианства. Церковь, исходя из учения о святости человеческой жизни, признающего всякое даже невинное пролитие крови грехом, а также из учения о христианской кротости, повелевающего сколь можно прощать кающегося грешника, проповедовала и установила в канонах положение, что никто не должен проливать кровь, вообще совершать насилие или уводить из храмов и их притворов обвиняемых или преступников, ищущих убежища у алтаря Господа, до тех пор, пока требующий выдачи, хотя бы то было и должностное лицо, не поклянется пощадить жизнь и тело несчастного, который, однако, должен удовлетворить потерпевшего – уплатой соответственной пени»¹⁹.

Наиболее обстоятельно, на наш взгляд, право церковного убежища регламентировано в титуле 1 параграфе 7 Баварской Правды. В нем говорится о том, что никто не может насильно забрать ищущего в церкви убежища до тех пор, пока не призовет священника и не изложит ему суть требования. Призванный священник вправе решить судьбу укрывающегося и выдать его, посоветовав как наказывать, либо не выдавать. Ну а если виновный силой забирает укрывающегося в церкви, то должен был заплатить 40 солидов как церкви за оскорбление, так и 40 солидов королю или общественной власти за нарушение мира²⁰. Регламентирует вопросы убежища в церкви и титул 3 Аламаннской Правды. В нем священнику, для того чтобы отдать господину раба, прячущегося в церкви, достаточно было предоставить залог в качестве доказательства вины последнего. В случае отказа священника выдать раба и оставления его в церкви на него (священника) возлагалась обязанность по сохранности раба. Если же господин силой выводил раба из церкви, то должен был уплатить церкви за оскорбление 18 солидов и 60 солидов властям за сохранение мира²¹. Третий титул «О тех, кто укроются в церкви» также сообщает, что принадлежащий к высшему сословию горожан, насильно выведший кого-либо из церкви, присуждается к уплате 100 солидов, не принадлежащий к этому сословию – 30 солидов. Штраф при этом предназначался исключительно церкви (храму). При отсутствии денег, виновный получал 100 ударов бичом²².

¹⁵ Белогриц-Котляревский Л.С. Преступления против религии в важнейших государствах Запада. С. 75.

¹⁶ Там же. С. 76 – 77.

¹⁷ Там же. С. 77.

¹⁸ См.: Данилова Г.М. Аламаннское и баварское общество VIII и начала IX в. С. 160.

¹⁹ Белогриц-Котляревский Л.С. Преступления против религии в важнейших государствах Запада. С. 84 – 85.

²⁰ См.: Данилова Г.М. Аламаннское и баварское общество VIII и начала IX в. С. 247.

²¹ Там же. С. 159 – 160.

²² См.: Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. С. 742.

Право религиозного (христианского) убежища имело важнейшее значение в жизни древних германцев. Во-первых, это право серьезно ограничивало внесудебный произвол и достаточно часто спасало от расправы невиновных. Хотя, конечно же, необходимо оговориться о том, что государство устанавливало исключения из этого правила. Так, например, лица, осужденные на смерть, не пользовались таким правом и должны были выдаваться. Об этом, в частности, гласит титул 28 Саксонской Правды²³. Во-вторых, по мнению большинства исследователей, право церковного убежища стало серьезным препятствием для реализации актов кровной мести. Но право религиозного убежища имело и свою оборотную сторону – оно достаточно часто становилось средством попустительства по отношению к преступникам. И подобное с неизбежностью привело к ограничению права убежища в ряде законодательных актов Древней Германии. Так, например, в книге 9 титуле 3 «О тех, кто укроются в церкви» Вестготской Правды говорится, что нельзя кого-либо выводить из церкви насильственным путем, если только последний не начнет использовать оружие для защиты. А параграф второй этого е титула значительно уточнял ситуацию, повелевая убить того, кто для своей защиты в церкви использовал оружие²⁴.

Еще одним преступным посягательством религиозного характера у древних германцев являлось богохульство. Первые упоминания о нем, по мнению Л.С. Белогриц-Котляревского, появились уже во времена господства обычного права, когда осуществлялись так называемые божьи суды – ордалии. Именно потому, что эти суды осуществлялись от имени Бога, любое оскорбление их словесное или действием рассматривалось как богохульство²⁵. Ярче всего в древнегерманском законодательстве богохульство иллюстрируется в Вестготской Правде. Там, в 12 книге, титуле 3 второй параграф назывался «О хулителях святой Троицы». Текст параграфа гласил, что если кто-то будет хулить Христа, Сына Божьего, Его Имя, или святые тело и кровь, или откажется причащаться ими, или, причастившись для виду, выплюнет, или произнесет какое-нибудь нечестивое оскорбление против святой Троицы, то есть Отца, Сына и Святого Духа, пусть немедленно предстанет перед епископом или судьей того города, крепости или области, где произошло это злодеяние. И пусть этот хулитель будет обрит наголо и получит сотню ударов кнутом, и пусть его закуют в кандалы и осудят на

горечь вечного изгнания. Его изъятое имущество пусть останется во власти правителя, и неизбежно находится во владении тех, кого изберет королевская власть²⁶.

Нарушению религиозного мира древних германцев соответствовал «церковный мятеж» в Древней Руси. Так, уже в 9 статье Устава князя Владимира о церковной десятине говорилось о различного рода непотребных действиях в церкви. «Ино что неподобно церкви подееть» означало, очевидно, применение своеобразной аналогии закона, в соответствии с которой в разряд религиозных посягательств попадали действия, представляющие серьезную опасность для общественного порядка в церкви, но в статье девятой не оговоренные. К таким действиям, по всей видимости, относились те же самые действия, которые впоследствии получили наименование «церковный мятеж» – появление в церкви в пьяном виде, разговоры и ссоры в церкви, прерывание церковной службы, нанесение побоев и причинение вреда здоровью и жизни, как мирянам, так и церковным служителям и т. п.²⁷

Не только как преступление против правосудия, но, прежде всего, как посягательство на основы религиозной догмы (причем как языческой, так и христианской) рассматривалось древними германцами клятвopеcтупление. Призыв богов в свидетели в повседневной жизни древнего германца было явлением чрезвычайно важным и чрезвычайно частым, и они искренно верили, что «страшные казни божества должны были постигнуть еще на земле того, кто изменял истине после того, как он торжественно призвал божество в подкрепление своих слов, если он избегал кары земной юстиции»²⁸. В 48 титуле Салической Правды в прибавлении 1 говорится, что если кто-либо другого обвинит в совершении ложного свидетельства и осуществит это с применением божьей клятвы, то присуждается к уплате 15 солидов²⁹. Титул 21 Саксонской Правды карал за заведомо ложную клятву смертью, наряду с убийством в церкви человека³⁰. А 41 титул Аламманнской Правды гласил, что «никто не должен разбирать чужих дел, за исключением тех, кто будет поставлен судьей герцога с согласия народа; разбирая дела, он не должен быть лживым, нарушителем клятвы, взяточником, но дол-

²³ См.: Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. С. 29.

²⁴ См.: Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. С. 741 – 742.

²⁵ Белогриц-Котляревский Л.С. Преступления против религии в важнейших государствах Запада. С. 78.

²⁶ См.: Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. С. 788 – 789.

²⁷ См.: Российское законодательство X–XX веков: тексты и коммент. в 9 т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984. Т. 1. Законодательство Древней Руси. С. 154.

²⁸ Белогриц-Котляревский Л.С. Преступления против религии в важнейших государствах Запада. С. 81.

²⁹ См.: Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. С. 21.

³⁰ Там же. С. 29.

жен справедливо судить, согласно закону, не взирая на лица и боясь бога»³¹. А в 42 титуле, определявшем социально-правовой статус свидетеля, говорилось, что последним не может быть, в том числе, клятвопреступник³². Особое значение клятве божьей придавали древние баварцы, которые считали, что ее не только нельзя произносить (приносить) поспешно, но и не стоит произносить «всуе», то есть в тех делах, которые и так судом решены справедливо. Клятва могла произноситься только в тех случаях, когда не было иных доказательств³³. В соответствии с титулом 10 Фризской Правды тот, кто поклялся на мощах святых ложной клятвой, искупает свою вину потерей руки³⁴.

Клятвопреступник по древним норвежским законам навлекал на себя проклятие и месть древних языческих богов³⁵. Боролась с клятвопреступлениями и Древняя Русь. В Поучении Владимира Мономаха содержатся следующие строки: «Речь молвяче, и лихо и добро, не кленитесь богом, ни хреститесь, нету бо ти нужна никоеяже; аще ли вы будете крест целовати к братии, или к кому, а ли управивше сердце свое, на немже можете устояти, тоже целуйте, и целовавше блюдите, да не приступни, погубите души своей»³⁶. То есть, кроме употребления имени Господа всуе, строжайше воспрещалось креститься без всякой нужды, целовать крест в знак правдивости или при принесении присяги, но если подобного избежать не удавалось, то необходимо было блюсти и не преступать клятвы во избежание гибели своей души. Эти виды посягательства, так же как и богохульство, закрепляются законодательно в отечественных церковных законах гораздо позже. Видимо, здесь возникает как раз та ситуация, когда фактически церковь уже в Древней Руси борется с посягательствами против церкви, не закрепленными в отечественном законодательстве, но существующими в законах византийских. С другой стороны, например, А.А. Шахматов полагает, что данное поучение не существовало в Древнейшем своде, а было вставлено в летопись составителем Начального свода³⁷.

Преступлениями против религии в Древней Германии являлись осквернение трупов и могил (гробниц). Мы уже упоминали об особом отношении древних германцев к мертвым и непростых ритуалах при погребении. Они верили в бессмертие души – отсюда и особое отношение к последнему пути. Покойника тщательно готовили к переселению в мир иной, куда он должен явиться со всем необходимым. Считалось, что предстать в ином мире перед Одним бедным и нищим было очень плохо³⁸. В. Вильда сообщает, что основу культа умерших составляли не только подготовка к последнему пути, но и последующее слежение за достойным состоянием места погребения. Более того, нашедшему труп надлежало сделать все возможное, чтобы прикрыть его от непогоды, животных и др.³⁹ Но была и обратная сторона у этого исторического процесса. Согласно данным Э. Озенбрюгена, древние лангобарды, например, да и другие древние германские племена считали за доблесть в бою завладеть оружием, доспехами и другими ценными трофеями своего врага или врагов. В военное время подобное поощрялось и считалось явлением обыденным. Иная ситуация складывалась в мирное время, когда лангобардский законодатель вынужден был вслед за установлением запрета на убийство законодательно оформлять запрет на ограбление трупа⁴⁰.

Законодательство древних германцев предусматривало посягательства подобного рода в достаточном количестве. Так, в прибавлении 5 и 6 к 14 титулу «О нападениях и грабежах» Салической Правды постановлялось, что выкапывание трупа и последующее хищение с него каких-либо вещей каралось штрафом в 200 солидов. А за бесцеремонное обращение с трупами (положение двух мертвых тел в один гроб) уплачивалось 62, 5 солида. Прибавление 7 к тому же титулу устанавливало ответственность в 15 солидов штрафа за осквернение памятника⁴¹. А 35 титул карал штрафом в 35 солидов за ограбление трупа раба⁴². Титул 55 был практически полностью посвящен данным вопросам и назывался «Об ограблении трупов». Ответственность в 63 солида устанавливалась за ограбление трупа убитого человека, прежде чем он будет предан земле. 15 солидов платил тот, кто ограбил могильный холм над умершим человеком. Ту же сумму должен был заплатить тот, кто повреждал или уничтожал памятник на

³¹ См.: Данилова Г.М. Аламманское и баварское общество VIII и начала IX в. С. 170.

³² Там же. С. 171.

³³ Там же. С. 265 – 266.

³⁴ De Lex Frisionum. P. 12.

³⁵ См.: Закс В.А. Некоторые особенности языка и логики областного права Средневековой Норвегии // Средние века. Вып. 52. М., 1989. С. 165.

³⁶ См.: Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII вв. / сост. Н.К. Гудзий. М., 2002. С. 37.

³⁷ Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1. Книга 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 2002. С.127.

³⁸ Белогриц-Котляревский Л.С. Преступления против религии в важнейших государствах Запаदा. С. 89.

³⁹ Wilda W. E. Das strafrecht der Germanen. Halle: C. A. Schwetschke und Sohn, 1842. P. 974.

⁴⁰ Osenbruggen E. Das Strafrecht der Langobarden. Schaffhaufen, 1863. P. 151 – 153.

⁴¹ См.: Салическая правда. С. 24.

⁴² Там же. С. 36.

могиле или совершал кражу или грабеж из носилок, которые несли за телом покойного и в которых находились вещи, также предназначенные для захоронения вместе с покойным. Если же кто-либо вырывал труп из могилы для последующего осуществления хищения, тот фактически лишался мира. Лишение мира длилось для такого лица до того момента, пока он не улаживал конфликт с родственниками покойника и те сами не просили власти прекратить лишение мира в отношении виновного. Если же кто-то до решения этого вопроса предоставлял лишенному мира какую-нибудь помощь (включая даже жену и родственников), присуждался к уплате 15 солидов штрафа. Определенную сложность вызывает толкование параграфа 3 данного титула. В нем речь идет, очевидно, о любом лице, который не являлся родственником лишенного мира и предоставлял ему помощь. В таком случае штраф составлял уже 200 солидов. 4 параграф 55 титула карал штрафом в 45 солидов того, кто бросал труп в чужую яму или колодец. 30 солидов должен был уплатить тот, кто совершал хищение из часовни у могилы. Сожжение же такой часовни каралось штрафом уже в 200 солидов⁴³.

Параграф 1 титула 19 Баварской Правды предусматривал уголовную ответственность сразу за два действия. Во-первых, как посягательство на основы нравственности и религиозную догму следует, очевидно, расценивать сам факт разрытия могилы, за который полагалось уплатить родственникам умершего 40 солидов. Во-вторых, как кража рассматривалось изъятие вещей у трупа⁴⁴. 50 титул Аламманской Правды в трех параграфах дифференцирует уголовную ответственность за раскапывание из могил свободных аламманов, женщин и рабов. И вновь законодатель подчеркивает разницу двух непосредственных объектов охраны – отношений нравственности и религиозной догмы, с одной стороны и отношений собственности – с другой. За свободного мужчину штраф составлял 40 солидов, за свободную женщину – 80 солидов. За раба или рабыню – 12 солидов. Кроме этого уплачивалось как за кражу за все, что было взято из разрытых могил⁴⁵.

Эдикт Ротари в 15 и 16 главах предусматривал ответственность за выбрасывание мертвеца из могилы и об ограблении трупа соответственно. В первом случае штраф составлял 900 солидов (фактически как за убийство), во втором – 80 солидов. В обоих случаях штраф необходимо было уплачивать родичам умершего лица. Если же родичей не было, штраф платился в королевскую казну через гастальдов или скульдахиев⁴⁶.

⁴³ Там же. С. 53.

⁴⁴ См.: Данилова Г.М. Аламманское и баварское общество VIII и начала IX в. С. 281.

⁴⁵ Там же. С. 173.

⁴⁶ См.: Шервуд Е.А. Законы лангобардов. С. 18.

Сходные законодательные постановления о запрете надругательства над телами умерших и местами их захоронений содержит и древнерусское уголовное законодательство. Наиболее показательным в этом отношении, на наш взгляд, являлся состав преступления под названием «мертвецов сволочать», предусмотренный в Уставе князя Владимира Синодальной редакции⁴⁷. Традиционно данный состав большинством ученых рассматривается как «разграбление могил» или «ограбление мертвых тел»⁴⁸. А.А. Зимин определяет данный состав через конкретизацию предметов посягательства, как разрытие могил с целью снятия одежд и драгоценностей⁴⁹. В.И. Сергеевич полагает, что сложность юридической структуры состава вызвана двубъектностью посягательства – «нарушением покоя могилы через ограбление мертвых тел»⁵⁰.

Основным непосредственным объектом данного состава преступления, на наш взгляд, продолжают оставаться православные обрядовые практики (священная процедура христианского погребения). Первым дополнительным непосредственным объектом будут являться основы нравственности, повреждаемые осквернением могил (факт разрытия могилы, повреждения гроба, а также, по замечанию В.В. Есипова, срубание и повреждение крестов на могилах⁵¹). Вторым непосредственным дополнительным объектом будет являться частная собственность (факт разграбления могилы и мертвого тела). «Первый поступок, – пишет В.В. Есипов, – ближе всего стоит к святотатству. Похищение с мертвого тела, так же как и похищение из церкви, прежде всего, представлялось деянием вредоносным, деянием, наносящим ущерб (родственникам умершего), татьбою. С другой стороны, в силу особого почитания умерших, носившего у древних славян полурелигиозный характер, деяние это представлялось деянием греховным, как бы свято-татьбою»⁵².

Достаточно интересным представляется этимологическое толкование термина «сволочать». В.И. Даль полагает, что термин «сволочь», как нарицательный и достаточно нелестный эпитет, более поздний по происхождению, чем термины «сволочить» или «своло-

⁴⁷ А в изводе «Стоглава» термин «волочят» (Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 56).

⁴⁸ См., например: Российское законодательство X – XX веков. Т.1. С. 160.

⁴⁹ См.: Памятники русского права: в 8 вып. М., 1952. Вып. 1: Памятники права Киевского государства. X–XII вв. 250.

⁵⁰ Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1903. С. 323.

⁵¹ Есипов В.В. Грех и преступление, святотатство и кража. СПб., 1894. С. 104.

⁵² Там же. С. 104 – 105.

чать». Сволочь это все то, что сволоклось или сволочено в одно место – бурьян, сор, в том числе, дурные люди, шатуны, воришки, негодяи. А термин «сволочь» понимался и как украсть что-либо, утащить незаметно, воровски⁵³. Глагол «сволочь» употреблялся для обозначения хищения в Древней Руси не только в отношении покойников. Так, в уже упомянутом Изборнике князя Святослава 1076 г. встречается фраза: «Яко же дьва розбоя есть, един, иже съвлачить с убогого»⁵⁴.

Не лишним, по нашему мнению, будет сделать и замечание о том, что у древних славян процедура захоронения значительно отличалась от христианской процедуры погребения. «Аще кто умряше, – пишет Нестор, – творяху тризну над ним, и по семь творяху кладу велику, и возложашуть и на кладу мертвеца сожжаху, и по сем собравше кости вложашу в судину малу, и поставляху на столпе на путехъ»⁵⁵.

Христианское захоронение мертвых, порой в богатых одеждах, с драгоценностями, с дорогим и редким оружием и предметами утвари, представляло собой огромный соблазн для воров, получивших наименование «гробограбителей» и «гробных татей»⁵⁶. Гробокопательство представляло собой одну из разновидностей любостязательства, как одного из самых тяжких грехов, определяемых древними учителями церкви, и достаточно подробно регламентировалось. «Гробокопательство или раскапывание могил различается, смотря по тому, касается ли виновный, положенного в гробе трупа, или не дотрагивается до него: первое имеет место в том случае, когда на самом трупе надеются найти какие-либо ценные вещи, которыми желают воспользоваться, а последнее в том случае, когда раскапывающий имеет лишь в виду употребить камни, положенные на могиле, на какую-либо постройку»⁵⁷. В соответствии с Эклогой, обирающие трупы на могилах, подлежали отсечению руки. Е.Э. Липшиц указывает, что строгость наказания за ограбление трупов в Эклоге все же меньше, чем в предшествующем праве, в котором подобное преступление каралось смертью или суровой формой изгнания⁵⁸. Предусматривал наказание для гробокопателей и Закон судный людем, который

в двадцать девятой главе (в Софийской летописи старшего извода) предусматривал в качестве основного наказания продажу виновного с головой, а в качестве дополнительного наказания – триста ударов («и да тепуть его в 300 ранъ») ⁵⁹.

Древнегерманское уголовное законодательство предусматривало еще целый блок статей, сопряженных с различными манипуляциями над телами убитых людей. И вновь данные составы конструировались по форме как единичные преступления, по сути представляя собой совокупность. Эти составы также были представлены двумя различными непосредственными объектами. Дополнительным непосредственным объектом посягательства выступали интересы правосудия, основным же, на наш взгляд, непосредственным объектом – отношения нравственности и христианские религиозные основы. Интересы правосудия страдали потому, что лицо пыталось скрыть следы собственного преступления при убийстве. Трупы при этом зарывали, сжигали, сбрасывали в воду так, что их невозможно было обнаружить и трудно доставать. Эти действия, в свою очередь, серьезно затрудняли и даже делали невозможным осуществить в дальнейшем христианский обряд правосудия, причинялись моральные страдания родственникам. Именно эти факторы обусловили выдвигание в разряд основного непосредственного объекта интересы христианской церкви.

В параграфе 2 титула 19 Баварской Правды говорится: «Если кто убьет свободного и выбросит в такое место реки, откуда труп нельзя взять, то прежде всего он должен уплатить 40 солидов, потому что нельзя достать труп для достойного погребения. Кроме того, он должен уплатить виру. А если труп из русла реки будет выброшен на берег и будет найден кем-либо, и тот снова столкнет труп с берега, а затем будет уличен, то должен уплатить 12 солидов». В этом же законе устанавливалось в параграфе 6, что тот, кто отрежет трупу голову, ухо, ноги, руки, т. е. «оскорбит труп», должен уплатить 12 солидов. Такое явление в древнем праве баварцев называлось «пролитие крови у трупа»⁶⁰. По закону салических франков также предусматривалось сокрытие трупа после убийства. Если кто-либо после убийства свободного франка или варвара прятал труп в колодец, в воду, накрывал ветками, то есть пытался скрыть следы преступления, то он присуждался к уплате 600 солидов. Если же он просто убивал и не пытался скрыть труп, то штраф составлял 200 солидов. Таким образом, франкский законодатель достаточно четко

⁵³ См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1 – 4: Т. 4: С – V. М., 1994. С. 77 – 78.

⁵⁴ См.: Водовозов Н.В. История древней русской литературы. М., 1962. С. 39.

⁵⁵ См.: Русские летописи. Т. 12. Лаврентьевская летопись. Рязань, 2001. С. 13.

⁵⁶ См.: Есипов В.В. Грех и преступление, святотатство и кража. С. 105.

⁵⁷ Суворов Н. Объем дисциплинарного суда и юрисдикции церкви в период вселенских соборов. Ярославль, 1884. С. 183.

⁵⁸ См.: Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. М., 1965. С. 178.

⁵⁹ См.: Софийская первая летопись старшего извода. Полное собрание русских летописей. Том шестой. Вып. 1. М., 2000. С. 161.

⁶⁰ См.: Данилова Г.М. Аламанское и баварское общество VIII и начала IX в. С. 281.

усиливает уголовную ответственность за сокрытие трупа по сравнению даже с самим убийством⁶¹. И, на наш взгляд, этому есть вполне естественное объяснение. Древние германцы – мужественные воины. Смерть в бою почетна. Впрочем, смерть вообще представляется им явлением не таким ужасным как современному человеку. А вот тайное, крадущееся, трусливое поведение вызывает справедливый гнев. В 5 титуле «О сжигании трупов» 2 Капитулярия к Салической Правде эти действия уже называются совершенно точно отражающим их суть термином – «сокрытие преступления»⁶².

Волшебство и колдовство также являлись достаточно распространенными преступлениями против религии как в языческой, так и в христианской Германии. «Древние германцы, – пишет Л.С. Белогриц-Котляревский, – подобно другим первобытным народам, не постигая внутренней связи между предметами и тех законов, которые управляют окружающими явлениями природы, относили все это на счет живых существ, как невидимых, так и видимых. Наполняя природу разными сверхъестественными существами, олицетворяя ее силы, они приписывали этим существам причину не только благодетельных для человека явлений окружающего мира, но и неприятных, губительных»⁶³. Широта верований германцев во сверхъестественное была поистине впечатляющей. Впрочем, как, наверное, и всех других народов, находящихся на определенной ступени развития. Древние германцы верили в способность людей обращаться в животных, в предметы, в их способность управлять силами природы и причинять вред людям различными способами. Это вызывало страх и тягучую ненависть к таким «умельцам». По данным А. Стриннгольма, древние викинги считали, что люди, посвященные в тайны волшебства, могли напускать на других людей болезни, смерть, притуплять или делать совершенно бесполезным их оружие. Свое же оружие, наоборот, они делали непобедимым⁶⁴. И рано или поздно это неизбежно должно было отразиться в законодательстве⁶⁵. Но волшебство во времена язычества и каралось только в том случае, если это приносило вред кому-либо. Иное дело волшебство в эпоху господства христианства. Здесь уже сам факт обращения к потусторонним силам признавался действием, враждебным христианству и карался как остаток язычества⁶⁶.

⁶¹ См.: Салическая правда. С. 41.

⁶² Там же. С. 64.

⁶³ Белогриц-Котляревский Л.С. Преступления против религии в важнейших государствах Запада. С. 93.

⁶⁴ Стриннгольм А.М. Походы викингов. М., 2003. С. 510

⁶⁵ См.: Белогриц-Котляревский Л.С. Преступления против религии в важнейших государствах Запада. С. 95 – 97.

⁶⁶ См.: Ширяев В.Н. Указ. соч. С. 62.

Однако и в раннем средневековье и позднее германцы карали только вредоносное колдовство, безвредное же практически не наказывалось⁶⁷.

Целый титул 19 «О порче» Салической Правды был посвящен совершению преступлений путем использования колдовских действий. Первый параграф титула гласил, что: «Если кто даст другому выпить отвар трав, с целью умертвить его, присуждается к уплате 200 солидов»⁶⁸. А во втором параграфе обуславливалась уголовная ответственность лиц, которые пытались причинить порчу другим, но по каким-либо причинам достичь желаемых результатов им не удавалось. За подобное неоконченное преступление ответственность предполагалась в уплате штрафа в размере 63 солидов. 62, 5 солида платил тот, кто при наведении порчи использовал наузы. А если женщина насылала порчу на другую и последняя после такого воздействия уже не могла больше иметь детей, то виновная также присуждалась к уплате 62 с половиной солидов⁶⁹. Зелье могло также использоваться как средство, усиливающее действие оружия. Ядом смазывали стрелы. Параграф 2 семнадцатого титула Салической Правды гласил: «Если кто вознамерится поразить другого отравленной стрелой, но промахнется, и будет уличен, присуждается к уплате 2500 денариев, что составляет 63 солидов»⁷⁰. Нужно отметить, что народ настолько ненавидел и боялся черной колдовской силы, что даже факт оскорбления в колдовстве вынужден был закрепить законодательно. Так, титул 64 Салической Правды карал штрафом в 63 солида того, кто обвинял другого прислужником в колдовстве, пособником ведьм, их прислужником (носителем котлов). Если же кто-то обвинял свободную женщину в колдовстве, но не был в состоянии доказать это, присуждался к уплате 89 солидов трижды. Если становился доказанным тот факт, что ведьма съела человека, то присуждалась к уплате 200 солидов. Штраф в общем-то сравнимый со штрафом за убийство⁷¹. Оскорбление колдуньей предусматривал и 39 титул Гуталага (Закона гутов). Штраф при этом составлял 3 эре⁷².

Предусматривала уголовную ответственность за отравление мужа своей женой глава 14 «Об отравках» Тюрингской Правды. В ней, в частности, говорилось,

⁶⁷ См.: Познышев С.В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы. К реформе нашего законодательства о религиозных преступлениях. М., 1906. С. 50.

⁶⁸ См.: Салическая правда. С. 26.

⁶⁹ Там же. С. 26.

⁷⁰ Там же. С. 25.

⁷¹ Там же. С. 58.

⁷² См.: Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы / Отв. ред. и сост. А.А. Сванидзе. М., 1999. С. 155.

что если будет донесено об отравлении ядом мужа или иным злом умысле в отношении его жизни со стороны жены, то ближайший родственник жены должен доказать ее невиновность поединком. В том случае, если женщиной не будет предоставлено поединщика – необходимо ей пройти процедуру ордалий в виде испытания раскаленным железом⁷³. Штрафом в 12 солидов наказывался виновный, если он стрелял в другого отравленной стрелой или подливал яд в питье в соответствии с параграфами 21 и 22 титула 4 Баварской Правды⁷⁴. Достаточно интересное положение содержит 8 параграф титула 13 «О залоге», в котором установлена ответственность за заколдовывание чужого посева. Помимо штрафа за нарушение мира в размере 12 солидов, виновный был также обязан иметь заботу о семье, скоте и ином имуществе потерпевшего⁷⁵.

Более жестко за преступления, совершаемые способом колдовства или насылания порчи, карала Вестготская Правда. Возможно, это связано с тем, что в данном законодательном акте гораздо ярче прослеживается влияние христианской церкви, серьезнее преследующей подобные посягательства. Титул 2 «О колдунах и их советчиках, а также об отравителях» книги 6 «О преступлениях и пытках» в первых двух параграфах запрещает простым людям, а особенно судьям обращаться за предсказаниями к прорицателям. Битье бичом и вечное рабство грозило и первым, и вторым. Что же касается рабов, совершивших данное преступление, то после наказания бичом их надлежало продавать в другие страны⁷⁶. Отравители должны были подлежать по Вестготским закона жесточайшим пыткам и позорнейшим казням. Доказанное обвинение в колдовстве предполагало 200 ударов бичом, обривание головы и принудительное сопровождение по десяти ближайшим владениям. Такому же наказанию подвергали и заклинателей различного толка⁷⁷. Тот же, кто давал беременной женщине зелье для того, чтобы избавиться от плода, должен быть убит. Если же женщина просила сделать ей такое зелье и уличалась в этом, то она лишалась статуса свободной и отдавалась в рабство. Рабыня, совершившая подобное, получала 200 ударов бичом в соответствии с титулом 3 книги 6 Вестготской Правды⁷⁸. Вообще нужно сказать, что от-

равление и человека, и не только в древнегерманском уголовном праве никогда не считалось преступлением против личности. Скорее всего, оно рассматривалось как «квалифицированный вид чародейства». Жизнь и здоровье человека (как физиологическое, так и психическое) рассматривались в этих случаях как дополнительные непосредственные объекты⁷⁹.

Не менее целенаправленно карало древнегерманское уголовное право и идолопоклонничество, как поклонение языческим идолам и принесение им жертв. Здесь христианская церковь и государственная власть работают уже в тесном союзе. Так, по законам лангобардов запрещалось идти на поединок, имея в запасе различные волшебные припасы. Судьи были обязаны перед началом поединка спросить бойцов о наличии подобных запрещенных средств⁸⁰. Достаточно емко суть такого преступления выражала норма, закрепленная в 4 титуле Закона Гуттов: «Следующее то, что жертвоприношения всем строго запрещены и все древние обычаи, которые сопровождают язычество. Никто не может взывать к рощам (halt) или курганам (haugar), или языческим богам (hapin gar), священным местам (vi) или святилищам (stafgarpar). Если обнаружится, что кто-либо виновен в этом и обвинение против него будет подтверждено свидетельствами, что он совершает подобное обращение своей пищей или напитками, которое не соответствует христианскому обычаю, то он виновен и платит 3 марки прихожанам, если они могут взыскать их. Это должны взыскивать все вместе, и все должны иметь долю в этом, священник и церковь, и прихожане»⁸¹. Поражала здесь даже не жесткость санкций, а некая совместность взыскания штрафа. Все должны быть заинтересованы в раскрытии и пресечении таких преступлений – церковь и прихожане. По Законам Уитреда (Кентского короля) если кэрл со своей женой совершают «жертвоприношения идолам», то они оба лишаются своего имущества. Если же идолам поклонялся раб, то он подлежал телесному наказанию и должен был уплатить штраф в размере 6 шиллингов⁸². Древнегерманское уголовное право, таким образом, карало идолопоклонство не только как фактор, способствующий отпадению простых людей от христианской религии, но и как действительное средство решения многих насущных вопросов, как политических, так и правовых.

⁷³ См.: Руссов С. Варажские законы с российским переводом и краткими замечаниями. СПб., 1824. С. 30 – 31.

⁷⁴ См.: Данилова Г.М. Аламандское и баварское общество VIII и начала IX в. С. 257.

⁷⁵ Там же. С. 272.

⁷⁶ См.: Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. С. 650 – 651.

⁷⁷ Там же. С. 652.

⁷⁸ Там же. С. 653.

⁷⁹ См.: Белогриц-Котляревский Л.С. Преступления против религии в важнейших государствах Запада. С. 100.

⁸⁰ Osenbruggen E. Das Strafrecht der Langobarden. Schaffhaufen, P. 161.

⁸¹ См.: Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы. С. 122 – 123.

⁸² См.: Хрестоматия по истории средних веков. В 3 т. Т. 1: Раннее средневековье / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1961. С. 597.

Религиозным, и, одновременно, преступлением против семьи и нравственности следует признать и кровосмесительные браки, запрет на которые, например, устанавливал 39 титул «О недозволенных браках». Христианская церковь запрещала под угрозой изгнания и конфискации имущества браки с тещей, невесткой, падчерицей, мачехой, дочерью брата, дочерью сестры, женой брата, сестрой жены⁸³. В Баварской Правде 7 титул «О запрещении недозволенных браков» также устанавливал ответственность за кровосмесительные браки. При этом запрещались браки все с теми же лицами, которые указывались в Аламманской Правде. Но, в отличие от постановлений законов аламманов, баварский законодатель также запрещал соединяться в браке и детям братьев, и детям сестер. Наказанием являлось разлучение вступивших в недозволенный брак, а их имущество должно поступать в казну⁸⁴. Этот же титул Баварского закона запрещал работу в воскресенье, так как воскресенье почиталось днем божьим.

Одним из достаточно распространенных преступлений против религии и нравственности являлось сожительство людей вне брака. Так, в Баварской Правде перечислялись различные виды прелюбодеяний – сожительство с женой другого, связь со свободной женщиной вне брака, связь с девушкой-рабыней. «Нарушение супружества» по законам древних баваров выражалось и в неисполненном обещании жениться и

в аннулировании обручения⁸⁵.

В достаточной степени уже христианизированное вестготское законодательство посвящает несколько титулов борьбе с прелюбодеяниями и иными нарушениями брачно-христианских основ. Титул 4 «О прелюбодеяниях» предусматривал прелюбодеяние с чужой женой с ее согласия или без такового; прелюбодеяние свободной женщины с чужим мужем; прелюбодеяние свободного мужчины с рабыней и т. д. И вновь убийство прелюбодеев мужем или женихом убийством не считается, а является обстоятельством, исключающим преступность деяния⁸⁶.

В целом, анализируя законодательные постановления в раннесредневековой Германии, касающиеся религиозных преступлений, можно отметить следующие основные моменты. Во-первых, сами законодательно-оформленные религиозные запреты слабо укладывались в какую-либо систему, были отрывочны, хаотичны и разбросаны. Во-вторых, в основном эти запреты касались не столько охраны христианской или языческой догмы, сколько были направлены на обеспечение неприкосновенности внешних обрядовых практик. В-третьих, первые варварские законы охраняли совместно и основы христианской религии, и основы религии языческой, правда, значительно видоизмененной формы, касающиеся, в основном, охраны религиозного мира.

Библиографический список:

1. De Lex Frisionum. Te Leeuwarden, bij G.T.N. SURINGAR, 1866. – XLIX, 56 p.
2. Osenbruggen E. Das Strafrecht der Langobarden. Schaffhausen: Verlag der Fr. Hurterfchen Buchhandlung, 1863. – 168 p.
3. Wilda W. E. Das strafrecht der Germanen. Halle: C. A. Schwetschke und Sohn, 1842. – XXIV, 997 p.
4. Акулов В.И., Соломатина Е.А. Административно-правовое регулирование государственной службы в Германии. // Административное и муниципальное право. – 2010. – 11. – С. 10 – 17.
5. Ахрамеев А.В. К вопросу о правовых и организационных основах судебного контроля за деятельностью органов местного самоуправления в зарубежных странах (на примере Германии, Франции, США, Великобритании) // Административное и муниципальное право. – 2011. – 10. – С. 32 – 37.
6. Безрукова М.. Особенности общественной дипломатии Германии в России // Тренды и управление. – 2014. – 3. – С. 237 – 242. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.3.12726.
7. Белогриц-Котляревский Л.С. Преступления против религии в важнейших государствах Запада. Историко-догматическое исследование / Л.С. Белогриц-Котляревский. – Ярославль: Тип. Г. Фальк, 1886. – 354 с.
8. Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. – 944 с.
9. Водовозов Н.В. История древней русской литературы / Н.В. Водовозов. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1962. – 372 с.
10. Гольтцендорф Ф. Вступительный очерк уголовного права (продолжение) // Юридический вестник, издаваемый Московским юридическим обществом. 1874. Книга 7 – 8 (июль-август). С. 5 – 66.
11. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: третья, исправленная и значительно дополненная издание / Под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 4. С – V. – М.: Издание т-ва М. О. Вольф, 1909. – 1619 с, XIV с., XII с.
12. Данилова Г.М. Аламманское и баварское общество VIII и начала IX в. / Г.М. Данилова. – Петрозаводск: Изд-во «Карелия», 1959. – 297 с.
13. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я.Н. Шапов. – М.: Наука, 1976. – 240 с.

⁸³ См.: Данилова Г.М. Аламманское и баварское общество VIII и начала IX в. С. 170.

⁸⁴ Там же. С. 259 – 260.

⁸⁵ Там же. С. 261 – 262.

⁸⁶ См.: Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. С. 563 – 565.

14. Есипов В.В. Грех и преступление, святотатство и кража / В.В. Есипов. – СПб.: Тип. А. С. Маркса, 1894. – 204 с.
15. Закс В.А. Некоторые особенности языка и логики областного права Средневековой Норвегии // Средние века. Сборник. Вып. 52. – М.: Наука, 1989. С. 157 – 173.
16. Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы / Отв. ред. и сост. А.А. Сванидзе. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 332 с.
17. Крывелев И.А. История религий. Очерки в двух томах. Т. 1. / И.А. Крывелев. – М.: «Мысль», 1975. – 415 с.
18. Памятники русского права: в 8 вып. / Под ред. С.В. Юшкова. – М.: Госюриздат, 1952. Вып. 1: Памятники права Киевского государства. X–XII вв. – 287 с.
19. Познышев С.В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы. К реформе нашего законодательства о религиозных преступлениях / С.В. Познышев. – М.: Универ. Тип., 1906. – 320 с.
20. Российское законодательство X–XX веков: тексты и коммент. в 9 т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1984. Т. 1. Законодательство Древней Руси. – 430 с.
21. Русские летописи. Т. 12. Лаврентьевская летопись. – Рязань: Александрия, 2001. – 583 с.
22. Руссов С. Варяжские законы с российским переводом и краткими замечаниями / С. Руссов. – СПб.: В тип. Медич. Департамента МВД, 1824. – 32 с.
23. Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права / В. Сергеевич. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. – 664 с.
24. Стриннгольм А.М. Походы викингов / А.М. Стриннгольм. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 736 с.
25. Суворов Н. Объем дисциплинарного суда и юрисдикции церкви в период вселенских соборов / Н. Суворов. – Ярославль: Типо-литография Г. Фальк, 1884. – 404 с.
26. Сухарева Н.В. Сравнительно-правовой анализ административно- процессуального законодательства в России и Германии (вопросы систематизации) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2012. – 2. – С. 84 – 92.
27. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. В.М. Корецкого. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1961. – 960 с.
28. Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII вв. / Сост. Н.К. Гудзий. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 592 с.
29. Хрестоматия по истории средних веков. В 3 т. Т. 1: Раннее средневековье / Под ред. С.Д. Сказкина. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1961. – 688 с.
30. Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1. Книга 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах / А.А. Шахматов. – СПб.: Наука, 2002. – 488 с.
31. Шервуд Е.А. Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени (К раннему этногенезу итальянцев) / Е.А. Шервуд. – М.: Наука, 1991. – 286 с.
32. Ширяев В.Н. Религиозные преступления: Историко-догматические очерки / В.Н. Ширяев. – Ярославль: Тип. Губерн. Правления. 1909. – 432 с.
33. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1965. – 226 с.

References (transliteration):

1. Belogrits-Kotlyarevskii L.S. Prestupleniya protiv religii v vazhneishikh gosudarstvakh Zapada. Istoriko-dogmaticheskoe issledovanie / L.S. Belogrits-Kotlyarevskii. – Yaroslavl': Tip. G. Fal'k, 1886. – 354 s.
2. Vestgot'skaya pravda (Kniga prigovorov). Latinskii tekst. Perevod. Issledovanie. – M.: Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke, 2012. – 944 s.
3. Vodovozov N.V. Istoriya drevnei russkoi literatury / N.V. Vodovozov. – M.: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, 1962. – 372 s.
4. Gol'ttsendorf F. Vstupitel'nyi ocherk ugolovnogo prava (prodolzhenie) // Yuridicheskii vestnik, izdavaemyi Moskovskim yuridicheskim obshchestvom. 1874. Kniga 7 – 8 (iyul'-avgust). S. 5 – 66.
5. Dal' V. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: tret'e, ispravlennoe i znachitel'no dopolnennoe izdanie / Pod red. prof. I. A. Boduena-de-Kurtene. T. 4. C – V. – M.: Izdanie t-va M. O. Vol'f, 1909. – 1619 c, XIV s., XII s.
6. Danilova G.M. Alamanskoe i bavarskoe obshchestvo VIII i nachala IX v. / G.M. Danilova. – Petrozavodsk: Izd-vo «Kareliya», 1959. – 297 s.
7. Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv. / Izd. podgot. Ya.N. Shchapov. – M.: Nauka, 1976. – 240 s.
8. Esipov V.V. Grekh i prestuplenie, svyatotatstvo i krazha / V.V. Esipov. – Spb.: Tip. A. S. Marksa, 1894. – 204 s.
9. Zaks V.A. Nekotorye osobennosti yazyka i logiki oblastnogo prava Srednevekovoi Norvegii // Srednie veka. Sbornik. Vyp. 52. – M.: Nauka, 1989. S. 157 – 173.
10. Iz rannei istorii shvedskogo naroda i gosudarstva: pervye opisaniya i zakony / Otв. red. i sost. A.A. Svanidze. M.: Rossiisk. gos. gumanit. un-t, 1999. – 332 s.
11. Kryvelev I.A. Istoriya religii. Ocherki v dvukh tomakh. T. 1. / I.A. Kryvelev. – M.: «Mysl'», 1975. – 415 s.
12. Pamyatniki russkogo prava: v 8 vyp. / Pod red. S.V. Yushkova. – M.: Gosyurizdat, 1952. Vyp. 1: Pamyatniki prava Kievskogo gosudarstva. X–XII vv. – 287 s.
13. Poznyshev S.V. Religioznye prestupleniya s tochki zreniya religioznoi svobody. K reforme nashego zakonodatel'stva o religioznykh prestupleniyakh / S.V. Poznyshev. – M.: Univer. Tip., 1906. – 320 s.
14. Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: teksty i komment. v 9 t. / Pod obshch. red. O.I. Chistyakova. – M.: Yurid. lit., 1984. T. 1. Zakonodatel'stvo Drevnei Rusi. – 430 s.

15. Russkie letopisi. T. 12. Lavrent'evskaya letopis'. – Ryazan': Aleksandriya, 2001. – 583 s.
16. Russov S. Varyazhskie zakony s rossiiskim perevodom i kratkimi zamechaniyami / S. Russov. – SPb.: V tip. Medits. Departamenta MVD, 1824. – 32 s.
17. Sergeevich V. Lektsii i issledovaniya po drevnei istorii russkogo prava / V. Sergeevich. – SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1903. – 664 s.
18. Strinngol'm A.M. Pokhody vikingov / A.M. Strinngol'm. – M.: OOO «Izd-vo AST», 2003. – 736 s.
19. Suvorov N. Ob''em distsiplinarnogo suda i yurisdiktsii tserkvi v period vselenskikh soborov / N. Suvorov. – Yaroslavl': Tipolitografiya G. Fal'k, 1884. – 404 s.
20. Khrestomatiya pamyatnikov feodal'nogo gosudarstva i prava stran Evropy / Pod red. V.M. Koretskogo. – M.: Gos. izd-vo yurid. lit., 1961. – 960 s.
21. Khrestomatiya po drevnei russkoi literature XI–XVII vv. / Sost. N.K. Gudzii. – M.: Aspekt Press, 2002. – 592 s.
22. Khrestomatiya po istorii srednikh vekov. V 3 t. T. 1: Rannee srednevekov'e / Pod red. S.D. Skazkina. – M.: Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 1961. – 688 s.
23. Shakhmatov A.A. Istoriya russkogo letopisaniya. T. 1. Kniga 1: Razyskaniya o drevneishikh russkikh letopisnykh svodakh / A.A. Shakhmatov. – SPb.: Nauka, 2002. – 488 s.
24. Shervud E.A. Zakony langobardov. Obychnoe pravo drevnegermanskogo plemeni (K rannemu etnogenezu ital'yantsev) / E.A. Shervud. – M.: Nauka, 1991. – 286 s.
25. Shiryayev V.N. Religioznye prestupleniya: Istoriko-dogmaticheskie ocherki / V.N. Shiryayev. – Yaroslavl': Tip. Gubern. Pravleniya. 1909. – 432 s.
26. Ekloga. Vizantiiskii zakonodatel'nyi svod VIII veka. – M.: Nauka, Gl. red. vost. lit., 1965. – 226 s.
27. Sukhareva N.V. Sravnitel'no-pravovoi analiz administrativno-protsessual'nogo zakonodatel'stva v Rossii i Germanii (voprosy sistematizatsii) // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. – 2012. – 2. – S. 84 – 92.
28. Akulov V.I., Solomatina E.A. Administrativno-pravovoe regulirovanie gosudarstvennoi sluzhby v Germanii. // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. – 2010. – 11. – S. 10 – 17.
29. Akhrameev A.V. K voprosu o pravovykh i organizatsionnykh osnovakh sudebnogo kontrolya za deyatel'nost'yu organov mestnogo samoupravleniya v zarubezhnykh stranakh (na primere Germanii, Frantsii, SShA, Velikobritanii) // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. – 2011. – 10. – S. 32 – 37.
30. Bezrukova M.. Osobennosti obshchestvennoi diplomatii Germanii v Rossii // Trendy i upravlenie. – 2014. – 3. – S. 237 – 242. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.3.12726.